

УДК 911.3:261

ХРИСТИАНСТВО В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

© 2016 г. С.А. Горохов

Институт географии РАН, Москва, Россия
e-mail: stgorohov@yandex.ru

Поступила в редакцию 22.03.2015 г.

Анализ структурных сдвигов в геопространстве христианства с помощью индексов Лузмора – Хэнби и Рябцева показал снижение уровня инерционности его территориальной структуры с XIX до конца XX в. Минимум инерционности был пройден во второй половине XX столетия, когда христианство стало действительно глобальной религией. Начало XXI в. характеризуется снижением интенсивности структурных сдвигов. Христианство вернулось к своим истокам: большую часть I тыс. н.э. оно было преимущественно афро-азиатской религией, почти все II тыс. н.э. – европейской (и североамериканской). Спустя тысячелетие, во второй половине XX в., Глобальный Юг вернул себе “пальму первенства”. Лишь на 5 лет (с 2014 по 2019 г.) за всю свою историю христианство “покинуло” Старый Свет (лидером среди регионов мира по числу христиан стала Латинская Америка), чтобы “вернуться” в другую его часть. III тыс. н.э. (по крайней мере, его начало) станет вторым периодом расцвета африканского христианства. Изменения в территориальной структуре геопространства христианства взаимообусловлены и взаимосвязаны с изменениями в его компонентной структуре. В I тыс. н.э. африкано-азиатское христианство было представлено, в основном, своей православной ветвью, европейское христианство первой половины II тыс. н.э. ассоциируется в первую очередь с католицизмом. Последний во второй половине II тыс. был в определенной степени “вытеснен” в Новый свет и частично “заменен” в Европе протестантизмом. Религиозная “глобализация – вестернизация” XX–XXI вв. привела к формированию евангельского движения, которое посредством диффузии расширения распространилось из центра – США – по всему миру в виде трех волн: “пятидесятнической”, “ревайвел” и “харизмат-маргинальной”.

Ключевые слова: христианство, глобализация, пространственные изменения, возвращение к истокам, сдвиг на юг, детерриториализация, территориальная структура геопространства, инерционность, компонентная структура геопространства, “следующее” христианство.

Глобализация как сложный и многоаспектный процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации, вне всякого сомнения, имеет свое конфессиональное измерение. Важнейшим следствием глобализации в конфессиональной сфере, на наш взгляд, являются коренные изменения в *конфессиональном геопространстве мира*, которое понимается нами как совокупность развивающихся во времени отношений между различными группами религиозно идентифицирующих себя индивидуумов и создаваемыми в результате их конфессионально обусловленной деятельности материальными элементами, расположенными на конкретной территории [3].

Процессы глобализации, активно воздействующие на конфессиональную сферу, дали основание ряду исследователей говорить о “*детерриториализации*” религии в современном мире.

Российские религиоведы А. Малашенко и С. Филатов поясняют свое понимание данного процесса следующим образом: «Пожалуй, единственная черта современной “глобальной” религиозности, ... являющаяся закономерным следствием глобализации, – это детерриториализация религии. Религия становится рассеянной поверх традиционных конфессиональных, политических, культурных и цивилизационных границ» [6, с. 15]. Однако, по нашему мнению, термин “*детерриториализация*” не совсем адекватно передает сущность изменений, происходящих в конфессиональном геопространстве мира под влиянием глобализации, так как последняя ни в коей мере не ослабляет связь религии с территорией, на которой она находит своих приверженцев. Территориальная структура конфессионального геопространства, понимаемая как пространственное распределение групп населения, объединенных на основе общей

религиозной идентификации, остается одной из важнейших характеристик религии и в эпоху глобализации. На наш взгляд, скорее можно констатировать снижение *инерционности территориальной структуры* конфессионального геопространства, то есть ослабление связей религии с конкретной национальной или региональной культурно-цивилизационной традицией. Иными словами, хотя в эпоху глобализации действительно “любая религия ... своих приверженцев ... теряет в регионах традиционного распространения” [6, с. 15], для любой конфессии по-прежнему определяющую роль продолжает играть та территория, на которой она этих приверженцев находит, ее социально-экономические, демографические и политические характеристики.

На первый взгляд, за прошедшее с 1910 г. столетие “привязка” той или иной религии к конкретной территории существенно ослабла: действительно, Европа или Северная Америка не так жестко ассоциируются с христианством, Африка — с этнорелигиями, а Китай — с конфуцианством или даосизмом. Более подробно указанные изменения будут рассмотрены ниже, пока же попытаемся установить, сколь велика в количественном отношении их интенсивность. Для этого воспользуемся хорошо известными из курса статистики показателями абсолютных и относительных структурных сдвигов — индексами Лузмора — Хэнби (1) и Рябцева (2):

$$I_{LH} = \frac{1}{2} \sum_{i=1}^n |k_{t_2} - k_{t_1}| \quad (1)$$

$$I_R = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (k_{t_2} - k_{t_1})^2}{\sum_{i=1}^n (k_{t_2} + k_{t_1})^2}}, \quad (2)$$

где k — доля каждого из n субрегионов мира (по классификации ООН) в христианском населении в смежные моменты времени t_2 и t_1 .

Традиционно при анализе структурных сдвигов приводятся значения нескольких индексов, по-разному интерпретирующих полученные результаты. Так, если индекс Лузмора — Хэнби отражает суммарное превышение долей субрегионов в христианском населении мира на момент времени t_2 по отношению к t_1 , то индекс Рябцева — фактическую разницу между значениями тех же долей и максимально возможным значением. Значения обоих индексов заключены в интервале [0; 1], при этом чем выше значение, тем больше различаются между собой сравниваемые структуры.

Первый индекс (под названием “коэффициент перераспределения”) успешно использовал А.П. Горкин для анализа мобильности и инерции размещения обрабатывающей промышленности США за 1929–2006 гг. При этом им совершенно справедливо отмечается, что данный показатель может быть использован “... в пространственном анализе не только промышленного производства, но и других объектов исследования социально-экономической географии...” [2, с. 149]. Преимущество индекса Рябцева заключается, прежде всего, в наличии шкалы значений, позволяющей качественно интерпретировать полученные результаты.

Можно констатировать, что и индекс Лузмора — Хэнби, и индекс Рябцева при анализе территориальной структуры мирового геопространства христианства свидетельствуют о существенном снижении ее инерционности¹ в XX в. (значительный уровень различия структур по шкале значений) по сравнению с XIX (низкий уровень различия структур) (табл. 1). Разумеется, сравнивать значения индексов за разновеликие временные интервалы не корректно (при прочих равных условиях, чем длиннее интервал, тем они выше), однако обращает на себя внимание тот факт, что в каждое сорокалетие с начала XX в. до настоящего времени изменения в территориальной структуре геопространства христианства были более существенными, чем за все XIX столетие (пусть и по разным территориальным единицам). При этом пик снижения инерционности территориальной структуры геопространства христианства пришелся на вторую половину XX в. (если быть точным, то на его последнюю треть). Сложившаяся в это время структура в XXI в. меняется все меньше — инерционность снова возрастает, и, по прогнозам, к рубежу первой и второй четвертой столетия подойдет вплотную к “весьма низкому” уровню (значение индекса Рябцева равно 0.070). Изучение причин этого явления заслуживает отдельного исследования, в настоящей же работе мы считаем возможным более подробно остановиться лишь на его последствиях.

Важнейшей тенденцией пространственного развития христианства в эпоху глобализации стало *расширение его геопространства*. За столетие христианство сохранило свои позиции в качестве

¹ Оценка уровня инерционности может быть дополнена и другими показателями: к весьма интересным результатам, на наш взгляд, может привести использование центрографических методов с выходом на территориальные сдвиги в размещении гравитационных центров мировых религий за достаточно длительные временные интервалы.

Таблица 1. Индексы структурных сдвигов в мировом геопространстве христианства, долей единицы

Год			Индекс Лузмора – Хэнби			Индекс Рябцева		
1800–1900			0.137			0.105		
1900–2000	1910–1950	1910–1930	0.419	0.153	0.073	0.432	0.169	0.083
		1930–1950			0.081			0.086
	1950–1990	1950–1970		0.254	0.127		0.229	0.113
		1970–1990			0.127			0.122
	1990–2025	1990–2010		0.143	0.086		0.156	0.093
		2010–2025			0.069			0.074

Примечание. Данные за столетия приводятся по регионам мира (по ООН), за сорокалетия и двадцатилетия – по субрегионам. Рассчитано и составлено автором по данным [7, 13, 17].

крупнейшей религиозной традиции в мире и насчитывало в 2014 г. 2376 млн последователей, но впервые за последние пять веков произошло некоторое сокращение доли христиан в населении Земли с 34.9% [15] до 33.0% [11], хотя в абсолютном выражении численность христиан продолжала увеличиваться. Снижение доли христиан обусловлено целой группой причин, среди которых можно выделить следующие:

1) широкий охват христианского населения развитых стран процессами секуляризации (религиозной “глобализации-вестернизации”);

2) падение уровня рождаемости в большинстве христианских стран мира (если в 1985 г. естественный прирост обеспечивал 99% общего прироста [16], то в 2010 г. – уже только 84%²);

3) связанное с этим замедление среднегодовых темпов прироста христианского населения, начиная с последней трети XX в.;

4) более высокие значения темпов прироста у других религий, прежде всего ислама (ныне также имеющие тенденцию к замедлению).

Тем не менее, в настоящее время христианство доминирует или является крупнейшей по численности конфессией в 164 странах и территориях мира из 238 (в 1910 г. – в 131 в тех же границах);

из шести макрорегионов мира (по ООН) лишь только в одной Азии христиане не являются крупнейшей по численности религиозной общиной (в 1910 г. они не были таковой также и в Африке); его приверженцы присутствуют среди 11.5 тыс. из 12.6 тыс. этнических групп Земли [9].

Расширение геопространства христианства привело к кардинальному перераспределению его адептов между регионами мира, в результате которого произошло смещение географического центра христианства на юг, в развивающиеся страны тропического и экваториального поясов. Если в 1910 г. в государствах Глобального Севера (регионы ООН Европа, Северная Америка, Океания, а также Япония в Азии) было сконцентрировано почти 82% христиан мира, то спустя столетие – лишь несколько более 39%. За то же время доля Глобального Юга (страны Латинской Америки, Африки и Азии) в христианском населении мира возросла соответственно с 18 до 61% (табл. 2). Более того, 2014 г. стал переломным для территориальной (в макрорегиональном разрезе) структуры геопространства христианства, хотя это событие пока еще не получило должного отражения в научной литературе: первое место заняла Латинская Америка (23.7% всех христиан), потеснив Европу (23.6%), занимавшую эту строчку на протяжении более чем тысячи лет [11]. Однако, при сохранении

Таблица 2. Изменение пропорций в христианском населении мира между Глобальным Севером и Глобальным Югом

Регионы	Численность христианского населения, млн. человек		Доля христиан в населении региона, %	
	1910 г.	2010 г.	1910 г.	2010 г.
Глобальный Север	501.3	899.5	86.5	72.4
Глобальный Юг	110.7	1393.0	9.4	24.6
Весь мир	612.0	2292.5	34.8	33.2

² Здесь и далее, если не указано иное, статистические сведения приводятся по [7].

текущих тенденций [12], в 2017 г. со второго места ее потеснит Африка, которая еще через два года выйдет в лидеры списка макрорегионов мира по численности христиан. *Впервые можно констатировать, что христианство сегодня, в отличие от периода вековой давности, – это действительно глобальная религия.* В дальнейшем доля христиан из развивающихся стран мира будет продолжать увеличиваться, что связано с высоким демографическим потенциалом стран Глобального Юга и относительно невысокой – около 1/4 – долей христиан в их населении. По прогнозам, рост доли жителей стран Глобального Юга в христианском населении мира продолжится, и к 2050 г. они будут составлять почти 73% христиан мира.

Причиной увеличения доли жителей Глобального Юга в христианском населении мира стал опережающий рост адептов христианства в развивающихся странах: из десяти стран, лидирующих по ежегодному абсолютному приросту христиан, лишь одна относится к развитым (США); с другой стороны, среди государств, в которых происходит ежегодное уменьшение численности христианской общины, только Ирак принадлежит к Глобальному Югу (табл. 3).

Ежегодно в мире появляются около 61 млн новых христиан, при этом каждые 3 из 4 новых христиан появляются на Глобальном Юге. Главный фактор роста христиан мира – рождаемость, на нее приходится 74% увеличения их численности, около 26% обеспечивает переход в христианство из других религий (религиозная конверсия). В развивающихся странах Африки доля рождаемости в росте христианской общины особенно высока – почти 84%. Конверсия наибольшее значение играет для Азии – около 42% роста христианской общины. Восточная Азия (в первую очередь за счет Китая) в этом отношении уникальна – это единственный субрегион мира, христианское

население которого увеличивается в основном за счет конверсии (почти 2.8 млн человек ежегодно). Для численности христианского населения стран Европы и Северной Америки большое значение имеет иммиграция, на долю которой приходится около 20% новых христиан в этих регионах.

Сокращение христианского населения мира происходит на 33.4 млн человек ежегодно, 54% его приходится на страны Глобального Юга. Из каждых трех “уходящих” христиан двое умирают, а один переходит в другую веру (в широкой трактовке). Выше среднемировой доля смертности в сокращении христианского населения лишь в Африке (71%). Эмиграция играет повышенную роль в сокращении христианской общины Латинской Америки – 26% (из Мексики уезжают более 1 млн. христиан ежегодно). Европа и Северная Америка теряют около 40% христиан в результате их выхода из общины, еще выше этот показатель в Океании (50%).

Таким образом, христианское население в странах Глобального Юга растет значительно более высокими темпами, чем на Глобальном Севере, в результате более высокого демографического потенциала развивающихся стран и привлекательности христианства для местного населения, мало затронутого процессами секуляризации.

В своей работе “Следующее христианство: приход глобального христианства” современный исследователь религии Ф. Дженкинс приходит к выводу, что пространственное развитие христианства в эпоху глобализации привело не только к его географическим, но и к глубоким качественным изменениям. По мнению Ф. Дженкинса, религия является одним из ключевых факторов модернизации общества в развивающихся странах, так как способствует социальному и экономическому прогрессу в этих государствах. Изучая современное христианство, Ф. Дженкинс

Таблица 3. Среднегодовое изменение численности христианского населения мира, 2010 г.

Страны	Прирост, тыс. человек	Страны	Убыль, тыс. человек
Китай	2876	Германия	–248
Бразилия	2144	Украина	–102
США	2103	Румыния	–86
ДР Конго	1956	Польша	–49
Нигерия	1615	Болгария	–43
Филиппины	1526	Молдова	–30
Индия	1297	Нидерланды	–25
Эфиопия	1280	Грузия	–22
Мексика	1127	Ирак	–13
Кения	879	Венгрия	–13

приходит к выводу, что распространение этой религии в странах Глобального Юга привело к образованию феномена “*следующего (или южного) христианства*” как новой глобальной реальности в современной конфессиональной сфере, отличающегося от христианства на Глобальном Севере [10]. Действительно, южное христианство характеризуется большим, чем в развитых странах, уровнем религиозности верующих, высокой вовлеченностью религиозных организаций во все сферы общественной жизни и традиционалистской догматикой. Так, за последние сто лет доля христиан в населении развивающихся стран мира возросла более чем в 2.5 раза, в то время как в развитых государствах уменьшилась почти на 15% (табл. 2).

Таким образом, геопространство христианства не просто расширилось, оно трансформировалось – то есть кардинально преобразовалось в соответствии со стремлением религии к максимальному “присвоению” географического пространства и обретению новых последователей, следствием чего стало его смещение на Юг. Интересно отметить, что это не первая трансформация территориальной структуры геопространства, переживаемая христианством за его многовековую историю. Можно даже сказать, что в территориальном отношении христианство как бы “возвращается” к своим истокам.

Так, на заре христианства в 500 г.н.э. в Азии и Африке проживало 2/3 христиан мира, спустя полтысячелетия, в 1000 г., – уже только 43%. В дальнейшем доля Глобального Севера в христианском населении мира продолжала возрастать, и только к 1500 г., то есть спустя еще пять веков, христианство стало почти исключительно европейской религией. Удельный вес европейцев среди христиан к началу XVI в. превысил 90% [10]. Именно с XVI в., с эпохи Великих географических открытий начинается триумфальное шествие христианства по всему миру, и, одновременно, постепенное уменьшение доли европейцев и их потомков (белого населения) в христианском населении мира. Однако понадобилось почти пять столетий, чтобы к 1981 г. число христиан на Глобальном Севере и Глобальном Юге сравнялось [8, 10]. В эпоху же глобализации на трансформацию территориальной структуры геопространства христианства понадобилось менее столетия, в то время как ранее на этот процесс уходило века, что подтверждает наш тезис о снижении *инерционности территориальной структуры* под воздействием глобальных процессов.

Пространственное развитие христианства в эпоху глобализации, выразившееся в изменении соот-

ношения между численностью адептов этой религии в регионах мира в пользу Глобального Юга, привело к не менее значительным изменениям внутри самого христианства, затронув его вероучение, выдвинув на историческую сцену его новые направления. Именно в конфессиональном геопространстве “запускаются” процессы, в результате которых религиозные традиции, распространяясь в новых для себя географических ареалах, приобретают иные, то есть отличные от классических (доглобализационных) организационные формы, культовые и догматические черты, связанные с необходимостью для этих религий адекватно выражать стремления и чаянья своих новых адептов, часто существенно отличающихся по своей культуре и уровню социально-экономического развития от тех, кто их исповедовал прежде.

Таким образом, “освоение нового пространства” регионов Глобального Юга, где исторически господствовали другие религиозные традиции, потребовало от христианства большой “гибкости” в связи с необходимостью приспособлять свое вероучение, организационную структуру, методику миссионерской деятельности к новым социально-экономическим и культурно-цивилизационным условиям. То есть развитие христианства взаимообусловлено и взаимосвязано с развитием его компонентной структуры, с изменением количественных пропорций между составляющими ее религиозными направлениями. Причем *пространственные изменения иницируют компонентные*, приводя к сущностным трансформациям в христианской догматике, культе и социальной политике.

Христианство прошло *несколько этапов пространственного развития*, с каждым из которых связана гегемония одного из его направлений. Так, во времена Восточной Римской империи Константина Великого и его преемников с центром в Константинополе, определяющую роль в геопространстве христианства играла его восточная (православная) традиция.

Переориентация христианства на Европу с ее молодыми варварскими королевствами, связанная, прежде всего, с потерей Востока из-за распространения там ислама, вывела на лидирующие позиции в геопространстве христианства уже другой центр – Рим – и другую традицию – западную (католическую).

Следующий этап развития геопространства христианства стал его реакцией на изменение социально-экономических и политических условий в ядре его геопространства – Европе, в которой усилилась роль национальных государств,

желавших поставить под свой контроль церковь. Католицизм был в определенной степени “вытеснен” в Латинскую Америку в результате выхода на историческую сцену протестантизма, сыгравшего, как следует из работ М. Вебера, ключевую роль в зарождении капиталистического строя [1].

Современный этап развития христианства связан с евангельским движением, доктринальными особенностями которого стали вера в необходимость духовного преобразования христианина и его “рождения свыше” в результате крещения Святым Духом; вера в богодухновенность Библии; активное использование в религиозной практике глоссолалии — говорения на иных языках; убежденность в необходимости приобщения к вере как можно большего числа людей.

По нашему мнению, именно глобальная евангелизация “запустила” процесс глобализации в религиозной сфере, ослабивший связи конфессий с конкретными территориями, этносами или культурами, увеличив скорость глобального процесса смешения и замещения религиозных традиций. Как западная экономическая модель, политический строй, технология и культура стали основой для социально-экономической и политической модернизации незападных обществ и, тем самым, включения последних в глобальные процессы, так и христианство, распространившееся в результате глобальной евангелизации по всем регионам мира, способствовало модернизации духовного состояния традиционных социумов. Благодаря глобальному охвату деятельности христианских миссионеров религиозная принадлежность перестала восприниматься в обществе как некая данность, полученная человеком при рождении, но стала элементом осознанного индивидуального выбора, который делается личностью исходя из ее духовных потребностей. Глобализация в религиозной сфере породила мировой “рынок религий”, который образовывали общины различных религий, конкурировавшие между собой с целью сохранения своих прежних и обретения новых адептов. В результате данной конкуренции религиозная конверсия (включая отказ от конфессиональной идентификации в пользу неверия) из наказуемого государством тяжкого преступления превратилась в обычную социальную практику. Наконец, свобода религиозного выбора личности допускала и возможность ее секулярного развития, а также чисто западную практику отделения церкви от государственной власти, распространившуюся по всему миру.

Можно выделить три волны евангельского движения [4]. Первая волна, которая пришлась на

первую половину прошлого столетия, привела к формированию мощной деноминации пятидесятников, которую образовали выходцы из традиционных протестантских направлений.

Вторая волна евангельского движения (1950–1980-е годы) вызвала серию так называемых “ревайвелов” — возрождений христианской веры, связанных с практикой крещения Святым Духом и глоссолалий. Ведущую роль во второй волне продолжали играть пятидесятники, однако ей оказались затронуты и трансформированы другие протестантские традиции (прежде всего баптизм, методизм, пресвитерианство), а также католицизм и даже православие, то есть она приняла трансконфессиональный характер. Христианские церкви, не порвавшие со своей традицией, но прошедшие через “ревайвел” и практикующие “рождение свыше” в результате крещения Святым Духом, глоссолалии и другие духовные дары, стали называться харизматическими.

Третья волна евангельского движения, продолжающаяся до настоящего времени, связана с расцветом так называемых независимых (харизматы и близкие к ним направления пятидесятничества) и маргинальных церквей (иеговисты, мормоны, спиритуалисты). Независимые церкви не укладываются в традиционную для христианских традиций классификацию. Что касается маргинальных церквей, то они представляют собой религиозные организации, хотя и вышедшие из недр протестантизма, но в своем вероучении и культовой практике далеко ушедшие от протестантской традиции и христианства вообще. Независимые и маргинальные церкви возникли в результате свободной конкуренции на глобальном “религиозном рынке” различных идей и концепций, на котором верующие, представляющие собой своеобразных “религиозных потребителей”, выбирают и свободно конструируют подходящий для себя “духовный продукт” (так называемая религия “a la carte”, или “бриколаж”). Успех таких религий стал результатом изменений структуры и характера религиозности населения в постсекулярном глобализованном мире, растущей плюрализации религиозного выбора. Не случайно первоначально новые религии возникли именно в США — центре современных процессов глобализации, а затем распространились посредством диффузии расширения по всему миру. Для их внутреннего устройства характерна не иерархичность, как у традиционных направлений христианства, а сетевая структура.

Движение евангелистов стало проявлением глобализации в духовной сфере жизни общества, ответом на усиление конкуренции в глобальном

конфессиональном геопространстве как со стороны других религий, так и со стороны светских и атеистических идеологий. В этой связи один из крупнейших социологов религии П. Бергер утверждает, что “евангельский протестантизм, особенно пятидесятничество, является наиболее серьезным массовым движением, которое служит средством культурной глобализации” [5, с. 15].

Евангельский протестантизм стал важным фактором модернизации и экономического развития в странах с переходной экономикой. Вместо того чтобы по примеру представителей традиционного христианства обещать за добродетель спасение в загробной жизни, его адепты проповедуют спасение в этой жизни в форме обретения не только духовных, но и мирских благ. Данное учение, названное теологией процветания [18] и обращенное, прежде всего, к многочисленному в развивающихся странах слою бедных и обездоленных, стало основой феноменально успешного распространения христианства на Глобальном Юге.

Таким образом, за последнее столетие компонентная структура геопространства христианства активно развивалась (табл. 4), что нашло свое подтверждение в изменении количественных пропорций адептов внутри шести основных церковно-культурных мегаблоков (направлений), выделяемых исследователями в христианстве [8].

Самым существенным изменением за прошедшее столетие стал *триумф независимых церквей*, чья доля в христианском населении мира возросла почти в 11 раз, в результате чего они смогли занять третье место по числу последователей среди главных христианских направлений. Последователи независимых церквей, включая пятидесятников

и харизматов (третья волна христианского ревайвела), составляют уже около 28% христиан мира; их доля продолжает расти и достигнет к 2025 г., по прогнозам, трети глобальной христианской популяции [12]. Значительным также был рост за последнее столетие доли адептов маргинальных церквей – в 7.5 раз. Католики и протестанты, в целом, сумели сохранить свои позиции в христианском населении мира, а вот удельный вес православных и англикан, наоборот, снизился в среднем в 1.5 раза.

Очень важно отметить, что для всех церковно-культурных мегаблоков христианства четко прослеживается общая тенденция к смещению их географического и демографического центра на юг, в развивающиеся страны. В 1910 г. в Европе, Северной Америке и Океании концентрировались 88% англикан, 95% протестантов, 70% католиков, 74% адептов независимых церквей и 99% маргинальных христиан. Спустя столетие конфессиональная география крупнейших направлений христианства коренным образом преобразовалась. В развивающихся странах Африки, Азии и Латинской Америки в 2010 г. проживало около 61% англикан, 67% протестантов, 68% католиков, 77% сторонников независимых церквей и 52% адептов маргинальных религиозных организаций. Единственным направлением христианства, которое до настоящего времени распространено в основном на Глобальном Севере, осталось православие – 73% его адептов (96% в 1910 г.) расселено в Европе (прежде всего в России). Именно затрудненностью миссионерской деятельности, связанной с антирелигиозной государственной политикой, проводившейся в СССР и странах Восточной Европы, можно объяснить снижение доли православных в глобальном христианстве. Однако

Таблица 4. Динамика последователей основных направлений христианства*

Направления христианства	Млн человек		Доля в христианском населении мира, %		Доля в населении мира, %	
	1910	2010	1910	2010	1910	2010
Англикане	32.9	86.8	5.4	3.8	1.9	1.3
Независимые	9.3	369.2	1.5	16.1	0.5	5.3
Маргиналы	1.1	34.9	0.2	1.5	0.1	0.5
Православные**	124.9	274.4	20.4	12.0	7.1	4.0
Протестанты	115.0	419.3	18.8	18.3	6.5	6.1
Католики	291.4	1155.6	47.6	50.4	16.6	16.7

*Суммарные значения относительных значений могут отличаться от 100% как в большую, так и в меньшую сторону из-за сложности однозначного определения принадлежности той или иной конфессиональной группы христиан к одному из шести основных указанных направлений. Это может вызвать их недоучет или, наоборот, двойной счет.

**В состав данного направления кроме адептов собственно православия включаются также представители восточных христианских (монофизиты, несториане) и униатских церквей (грекокатолики, марониты и др.), особенно многочисленные на Ближнем Востоке и в Африке.

“южный тренд” верен и для православных: доля жителей Африки среди его адептов выросла более чем в 4 раза, в результате чего Эфиопия стала занимать второе место в мире по численности православных после России. Что касается англиканства, то уменьшение доли его адептов в населении мира есть следствие процессов секуляризации, захвативших современную Англию, в которой еще в начале прошлого века было сосредоточено около 77% адептов этого направления. Однако за последнее столетие миссионерская активность англиканских церквей привела к тому, что к 2010 г. почти 60% сторонников англиканства стали жить в Африке, в то время как англичане составляют лишь около 30% их числа. В XXI в. вследствие высокого прироста населения в странах Черного континента происходит увеличение темпов прироста англикан в мире.

Таким образом, пространственное развитие христианства в эпоху глобализации, связанное с его активным распространением в регионах Глобального Юга, помогло ему приспособиться к новым условиям в мире. Приобретя себе паству в Африке, Азии и Латинской Америке, христианство фактически обеспечило себе будущее, ведь ныне более 80% прироста населения мира происходит именно за счет жителей развивающихся стран, однако достижение этого результата потребовало от него приспособления к изменившейся глобальной действительности.

Глобализация способствует расширению влияния, прежде всего, тех религиозных направлений, для которых, используя название известной работы Д. Мартина, *весь мир — их приход* [14]. Эти религии не признают традиционных конфессиональных и этнических границ, в полной мере “встроены” в глобальную современность, активно используют ее в своих миссионерских целях, и, вне всякого сомнения, можно сказать, что христианство входит в их число. В эпоху глобализации развитие компонентной и территориальной структур геопространства христианства происходит фактически синхронно, что “осовременивает” эту религию, и в этом видится важная причина современного лидерства христианства в глобальном конфессиональном геопространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 44–208.
2. Горкин А. П. География постиндустриальной промышленности (методология и результаты исследований, 1973–2012 годы). Смоленск: Ойкумена, 2012. 348 с.
3. Горохов С. А. Конфессиональное геопространство как объект изучения географии религий // Изв. РАН. Сер. геогр. 2014. № 2. С. 21–30.
4. Казьмина О. Е., Пучков П. И. Религиозные организации современного мира. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2010. 356 с.
5. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. Пер. с англ. В. В. Сапва. М.: Аспект Пресс, 2004. 379 с.
6. Религия и глобализация на просторах Евразии / Под ред. А. Малашенко, С. Филатова. 2-е изд. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН); Моск. Центр Карнеги, 2009. 341 с.
7. Atlas of Global Christianity / Johnson T. M., Ross K. R. (Ed.) Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 400 p.
8. Barrett D. B., Kurian G. T., and Johnson T. M. World Christian Encyclopedia. 2nd ed. New York: Oxford University Press, 2001. 1730 p.
9. Jaffarian M. The demographics of world religions entering the twenty-first century // Between past and future: evangelical mission entering the twenty-first century / J. Bonk ed. Pasadena: William Carey Library, 2003. P. 249–271.
10. Jenkins P. The Next Christendom: The Coming of Global Christianity. New York: Oxford University Press, 2002. 316 p.
11. Johnson T. M. and Crossing P. F. Christianity 2014: Independent Christianity and Slum Dwellers // International Bulletin of Missionary Research. 2014. Vol. 38. No. 1. P. 28–29.
12. Johnson T. M., Zurlo G. A., Hickman A. W., and Crossing P. F. Christianity 2015: Religious Diversity and Personal Contact // International Bulletin of Missionary Research. 2015. Vol. 39. No. 1. P. 28–29.
13. Maoz Z. and Henderson E. A. The World Religion Dataset, 1945–2010: Logic, Estimates, and Trends // International Interactions. 2013. Vol. 39. Issue 3. P. 265–291.
14. Martin D. Pentecostalism: The world their parish. Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2002. 216 p.
15. Noll M. A. The New Shape of World Christianity: How American Experience Reflects Global Faith. Downers Grove: InterVarsity Press, 2009. 212 p.
16. Park C. Sacred Worlds: An Introduction to Geography and Religion. London: Routledge, 1994. 332 p.
17. Religions of the World: a comprehensive encyclopedia of beliefs and practices / Melton J. G., Baumann M. (Ed.) Santa Barbara: ABC–CLI, 2010. 3200 p.
18. Rosin H. Did Christianity Cause the Crash? URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2009/12/did-christianity-cause-the-crash/307764/> (дата обращения: 18.02.2015).

Christianity in the Epoch of Globalization: Main Trends in Spatial Development

S. A. Gorokhov

*Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
e-mail: stgorohov@yandex.ru*

Analysis of structural changes in Christian geospace using Loosemore – Hanby and Ryabtsev indices has shown a decline of inertia in its territorial structure from the 19th to the end of the 20th century. Minimum value of inertia has been achieved in the second half of the 20th century, when Christianity became a really global religion. The intensity of structural changes is decreasing at the beginning of the 21st century. Christianity has returned to its roots: for much of the first millennium AD it had been a predominantly Afro-Asian religion, for much of the second millennium – European (and North American) one. But the Global South regained its positions in the second half of the 20th century. Only for 5 years (from 2014 to 2019) Latin America has become the leader among regions of the world in the number of Christians. The third millennium (at least the beginning of it) is going to be the second epoch of African Christianity. Changes in the territorial structure of Christian geospace are interrelated with changes in its confessional structure. In the first millennium AD, Afro-Asian Christianity was represented mainly by its Orthodox branch. European Christianity of the first half of the second millennium AD is associated primarily with Catholicism. In the second half of the second millennium, the latter was displaced to the New World, and partly replaced with Protestantism in Europe. Religious globalization and westernization in the 20th and 21st century has led to the formation of a new evangelization movement. It has spread from the Center – USA – all over the world by three waves of expansion diffusion: “pentecostal”, “revival” and “charismatic – marginal.”

Keywords: Christianity, globalization, spatial changes, back to basics, shift to the south, deterritorialization, territorial structure of geospace, persistence, component structure of geospace, “next” Christendom.

doi:10.15356/0373-2444-2016-6-26-34